

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ И НОВЕЙШЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье предпринята попытка рассмотреть высказанные в последнее время в научной литературе представления о сущности вещественного доказательства, проанализировать новейшие изменения правовой регламентации ст. 81 УПК РФ о видах вещественных доказательств, отметить изменения в представлении о них, обусловленные закреплением в УК РФ (глава 15№) нового правового института — конфискации, как одной из мер уголовно-правового принуждения¹.

В процессуальной литературе устоялось мнение о вещественном доказательстве как определенном материальном объекте, запечатлевшем на себе или в своем месторасположении физические изменения, которые произошли в результате преступного воздействия. Еще И.Я. Фойницкий отмечал: «Преступная деятельность проходит мимо различных лиц, наблюдающих случайно ее отдельные моменты и затем дающих о ней свои показания суду; но кроме того, деятельность эта производит разнообразные изменения во внешнем мире, оставляет в нем материальные следы, по которым можно судить о подлежащем судебному исследованию. Все такие изменения во внешнем мире, служащие материалом для исследования и разъяснения дела, образуют понятие вещественных доказательств»².

Примером традиционного подхода к определению сущности вещественного доказательства служит мнение авторов, акцентирующих его отличие от доказательств, содержащих словесное описание тем или иным лицом какого-либо обстоятельства. Это отличие состоит в том, что вещественное доказательство в непосредственной, материальной форме отображает факты, имеющие значение для дела³. И.Б. Михайловская верно полагает, что вещественные доказательства можно определить как те изменения, которые произошли в объективном мире в результате действий или бездействия, прямо или косвенно связанные с событием, послужившим основанием для возбуждения уголовного дела⁴. Здесь кон-

---

* © Шейфер С.А., Кожемякин А.Ю., 2007

Шейфер Семен Абрамович — д-р юрид. наук, проф. Самарский государственный университет

Кожемякин Андрей Юрьевич — аспирант, Самарский государственный университет

статирован существенный и наиболее общий, на наш взгляд, признак вещественного доказательства. Таковым являются не только предметы, которые были непосредственно изменены ходом преступного действия (так считали ранее некоторые авторы), но и любые предметы, которые прямо или косвенно связаны с событием, исследуемым по уголовному делу. Любой предмет становится вещественным доказательством только тогда, когда он прямо или косвенно связан с событием преступления⁵.

Наряду с этим встречаются и иные представления о вещественном доказательстве. В.Л. Будников рассматривает вещественное доказательство как совокупность однородных единичных доказательств, основой (матрицей) которых является определенный предмет⁶. В поисках нового представления автор пытается рассматривать вещественное доказательство не как отдельно взятый предмет или документ, относящийся к событию преступления (он именуется этот объект матрицей), а «образованную на его основе достаточную совокупность однородных единичных доказательств, способных раскрыть его информационную сущность в необходимом процессуальном значении»⁷. По-видимому, сказанное означает, что к вещественному доказательству принадлежит не только протокол его обнаружения и осмотра, но и заключение эксперта, выявившее признаки предмета, другие, связанные с «матрицей» источники информации. В таком представлении акцент делается на содержании доказательства, которое отрывается от его формы. Кроме того, утрачивают самостоятельное значение такие виды доказательств, как протокол осмотра, заключение эксперта, показания свидетелей и т.п., которые становятся элементами сложного конгломерата, именуемого автором вещественным доказательством. Вряд ли такая трактовка развивает традиционное научное представление о сущности вещественного доказательства. Оно, исходя из единства содержания и формы, охватывает как содержание вещественного доказательства (т.е. информацию, заключенную в признаках предмета, его месторасположении и т.д.), так и его форму — сами эти признаки и отражение их в протоколе обнаружения и осмотра вещественного доказательства, а затем в постановлении о приобщении предмета к делу в этом качестве.

Исходя из того, что в вещественном доказательстве главное — не его материальная основа (матрица), а та информация, которая извлекается из нее при помощи соответствующих процессуальных исследований⁸, В.Л. Будников делает дальнейший шаг на пути освобождения вещественного доказательства от процессуальной формы. Он называет «реликтом советского времени» и призывает отменить предусмотренное ч. 2 ст. 81

УПК РФ правило об обязательном вынесении органом уголовного преследования специального постановления о признании определенного предмета вещественным доказательством и его приобщении к уголовному делу, утверждая, что оно находится в прямом противоречии с общими нормами о формировании уголовных доказательств в состязательном судопроизводстве. Это предложение автор обосновывает необходимостью «объективизации процесса вовлечения материальных объектов в доказывание наличия или отсутствия обстоятельств криминального события». В итоге предлагается определение вещественного доказательства как комплекса единичных однородных доказательств, сформированных вследствие процессуального исследования обнаруженного и изъятого в рамках следственного действия предмета, документа, их отображений⁹.

При анализе этого определения бросается в глаза нелогичность суждений автора, ибо ни о какой «объективизации» процесса использования вещественных доказательств речи не идет, т.к. фактически предлагается заменить понятие вещественного доказательства понятием комплекса доказательств, содержащих сходную информацию.

С учетом этих критических замечаний и всего вышеизложенного вещественные доказательства в самом общем виде можно определить как материальные следы (последствия) преступления, понимаемые в широком смысле, т.е. не только как непосредственные отпечатки события на материальных объектах. Их роль как познавательных средств в процессе доказывания обусловлена тем, что они так или иначе связаны с исследуемым событием, подверглись в результате его какому-то видоизменению, перемещению или были непосредственно созданы преступными действиями. Однако предмет, не отделенный от окружающей среды и не преобразованный в надлежащую процессуальную форму, сам по себе вещественным доказательством не является. Можно утверждать, что этот вид доказательства формируется субъектом доказывания путем преобразования «вещной» информации в иную форму, в том числе в форму описания. «Признание предмета вещественным доказательством закономерно оформляется процессуальным актом — постановлением следователя, завершающим процесс его формирования»¹⁰. Следовательно, чтобы стать вещественным доказательством, предмет, обладающий определенными свойствами, должен пройти определенную процедуру, обрести процессуальную форму, после чего он приобретет статус вещественного доказательства. В соответствии с ч. 2 ст. 81 УПК РФ указанные предметы осматриваются, признаются вещественными доказательствами и приобщаются к уголовному делу, о чем выносится постановление.

Попытаемся теперь проследить, как менялась правовая регламентация понятия вещественного доказательства. И.Я. Фойницкий писал: «Наше законодательство как бы отличает от вещественных доказательств (ст. 371 УСС) признаки преступления, даваемые местностью (ст. 316-318 УСС), мертвым телом, телесным повреждением, следами насилия и состояния здоровья (ст. 336 УСС); но в то же время к вещественным доказательствам оно относит всякое поличное, и в частности подложные документы, фальшивые монеты, окровавленные или поврежденные предметы, и вообще все найденное при осмотре места, при обыске или выемке и улике преступника (ст. 371 УСС), так что в действительности это различие оказывается мнимым»¹¹.

В.Л. Будников верно отмечает, что подобное понимание процессуальной природы вещественных доказательств сохранилось и в начале советского периода уголовного процесса¹².

Так, ст. 66 УПК РСФСР 1923 года в качестве вещественных доказательств признавала предметы, служившие орудиями совершения преступления или бывшие объектами преступных действий обвиняемого, а равно все иные предметы и документы, которые могли служить средствами к обнаружению и открытию виновных.

Ст. 83 УПК РСФСР 1960 года, помимо перечисленных предметов, легализовала на законодательном уровне в качестве вещественных доказательств деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, добавив их к предметам и документам, имеющим объективную связь с преступлением.

Следует отметить, что в УПК РФ регламентация вещественного доказательства обновлена, однако как и прежде закон не содержит определения вещественного доказательства, как это сделано применительно к другим видам доказательств, ограничившись перечислением объектов внешнего мира, отобразивших на себе информацию, служащую средством установления обстоятельств уголовного дела. Поначалу в соответствии с ч. 1 ст. 81 УПК РФ вещественными доказательствами признавались любые предметы: а) которые служили орудиями преступления; б) сохранили на себе следы преступления (п. 1 ч. 1 ст. 81); в) на которые были направлены преступные действия (п. 2 ч. 1 ст. 81); г) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела (п. 3 ч. 1 ст. 81).

Таким образом, как и в УПК РСФСР 1960 г., перечень объектов материального мира, которые можно признать вещественными доказательствами, остался открытым, поскольку п. 3 ч. 1 ст. 81 охватил любые предметы, имеющие какое-либо доказательственное значение и не под-

падающие под предыдущий перечень. Здесь нет четкого определения таких предметов, однако, общий признак следующий: если предметы могут служить установлению истины по делу, они, независимо от их вида, могут выступать в качестве вещественных доказательств. Это и естественно, поскольку круг материальных объектов внешнего мира, которые при определенных условиях могут стать вещественными доказательствами, безграничен и не может быть исчерпывающим.

Федеральный закон от 4 июля 2003 года № 92-ФЗ дополнил УПК новой разновидностью вещественных доказательств — в виде имущества, денег и других ценностей, полученных в результате преступных действий либо нажитых преступным путем (п. 2 ч. 1 ст. 81 УПК). В некотором смысле этот пункт пересекался с предыдущим, поскольку деньги, полученные в результате преступных действий, могут выступать как предметы, на которые были направлены преступные действия. Деньги и ценности, нажитые преступным путем, в качестве самостоятельной разновидности вещественного доказательства фигурировали в УПК РСФСР, но поначалу отсутствовали в УПК РФ 2001 года. Во второй части п. 2 ч. 1 ст. 81 УПК «Нажитое преступным путем» речь идет о таких предметах, которые представляют собой трансформированные ценности. Слово «нажитые» означает, что это не те самые ценности, которые получены при совершении преступления, а ценности, в которые были трансформированы непосредственно полученные материальные результаты преступления. Например, валюта, дорогая бытовая техника и другие предметы, которые были приобретены за счет реализации имущества, непосредственно добытого в результате хищений, грабежей, мошенничества и т.д.

По сути, данная норма логично восполнила пробел в законодательстве, устранив уже возникшую за короткий период действия УПК путаницу по этому поводу. Так, например, Д.А.Лопаткин оправдывал не включение в перечень вещественных доказательств денег, иных ценностей, нажитых преступным путем, тем, что эта категория предметов проистекает из приобретения прав на чужое имущество преступным путем, в то время как такое приобретение возможно только после вступления приговора в законную силу. А это, по его мнению, противоречит конституционному принципу презумпции невиновности¹³.

Даже после закрепления в Законе данного вида вещественных доказательств дискуссия по этому поводу продолжилась. В.Л. Будников называет включение подобных ценностей в группу предметов, являющихся согласно буквальному толкованию закона вещественными доказательствами — «советским нормативным изобретением, которое стало сей-

час и российским правовым изыском»¹⁴. По его мнению, если названные ценности обладают индивидуально-определенными признаками, непосредственно связаны с событием преступления и способны служить средствами установления его обстоятельств, ничто не мешает использовать их в качестве материальной основы при формировании доказательств по уголовному делу¹⁵. Но при таком взгляде, ограничивающем круг вещественных доказательств, игнорируется тот факт, что обнаружение незаконно полученного имущества может служить доказательством его преступного приобретения.

Существенное значение в изменении нормативного регулирования вещественного доказательства имел Закон от 27 июля 2006 года. Внесенные этим Законом в УПК РФ дополнения и уточнения в известной мере меняют представление о вещественных доказательствах. Закреплена новая формулировка вида вещественных доказательств, предусмотренного п. 2.1 ч. 1 ст. 81 УПК. Этот вид вещественных доказательств теперь определен как «деньги, ценности и имущество, полученные в результате совершения преступления».

На первый взгляд, отличие этой формулировки от прежней малосущественно: и в той и другой говорится о деньгах, ценностях и имуществе. Но из обновленной формулировки исключены слова «либо нажитые преступным путем». Можно предположить, что речь идет лишь об уточнении, исключении лишних слов, ибо имущество, «нажитое преступным путем», также в конечном счете «получено в результате совершения преступления». Но, скорее всего, законодатель стремился таким путем преодолеть многозначность термина «нажитые» (о чем скажем позже).

Однако в действительности новое обозначение этого вида вещественных доказательств оказывается по своему содержанию более широким, нежели прежнее. Такой вывод вытекает из системного анализа новых законоположений.

Определяющим в этом отношении является новая редакция раздела VI УК РФ («Принудительные меры медицинского характера»), который получил название «Иные меры уголовно-правового характера» и дополнен ранее отсутствовавшей в нем главой 15¹ «Конфискация имущества». Можно считать, что нормы новой главы в целом направлены на ослабление и подрыв созданной незаконным обогащением материальной базы лиц, совершающих террористические акты и другие особо опасные преступления либо оказывающих содействие в этом. Конфискация, как сказано в ст. 104¹ УК РФ, это принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства незаконно полученного в результате совершения преступления имущества.

Анализ подлежащих конфискации ценностей, которые перечисляются в ст. 104¹, в определенной мере проясняет сущность вещественного доказательства, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 81 УПК.

Так, согласно п. «а» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ имущество, полученное в результате совершения убийств, похищений и торговли людьми, присвоения интеллектуальной собственности, ряда опасных преступлений против общественной безопасности, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, государственной власти, интересов государственной службы, мира и безопасности человечества, **и любые доходы от этого имущества** подлежат конфискации в доход государства. Возникает вопрос: подпадает ли эта формула полностью под определение вида вещественных доказательств, данное в п. 2 ч. 1 ст. 81 УПК РФ?

Не вызывает сомнения положительное решение этого вопроса относительно первой части этой формулы. Действительно, деньги, другие ценности, полученные, к примеру, в качестве выкупа за похищенного человека или вырученные от продажи наркотиков, сильнодействующих и ядовитых веществ, сутенерства, распространения порнографии, государственной измены и т.п., являются материальными, т.е. вещественными объектами, служащими доказательством совершения этих преступлений, и поэтому подлежат конфискации.

Но, по-нашему мнению, иной смысл имеют доходы, полученные от незаконно добытого имущества. Под доходами от имущества, полученного в результате совершения преступления, следует понимать любые доходы, полученные в результате использования преступно полученного имущества или распоряжения им, которые не повлекли за собой его отчуждения, т.е. выбытия из сферы имущественных интересов виновного. В случае, если произошло отчуждение и виновный получил взамен деньги или какие-либо иные ценности, то здесь речь идет уже об имуществе, указанном в п. «б» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, о чем будет сказано ниже. Сами по себе доходы доказательством преступления не являются, а свидетельствуют лишь о том, что лицо, незаконно обогатившееся, извлекает из незаконно полученных имущественных ценностей дополнительные имущественные блага. Но они подлежат конфискации не как вещественное доказательство, а как средство противозаконного обогащения.

П. «в» ст. 104¹ УК РФ предусматривает далее конфискацию преступно полученного имущества и доходов от него, полностью или частично **превращенных или преобразованных** в иную форму. Здесь мы сталкиваемся с формулировкой, близкой к первоначальной формулировке п. 2 ч. 1 ст. 81 УПК, согласно которой вещественным доказательством является не только имущество, полученное в результате преступных дей-

ствий, но и «нажитое преступным путем». Но, как мы полагаем, термин «нажитое» многозначен и охватывает как преобразование незаконно полученного имущества в иную форму, так и доходы от него, которые, как было показано выше, вещественными доказательствами служить не могут. Поэтому вещественными доказательствами следует считать только преступно полученное имущество, подвергнутое превращению или преобразованию в другую форму. Специфический смысл этих терминов, не имеющих четких различий, требует разъяснений. Представляется, что превращение имущества в иную форму означает, что незаконно полученное имущество путем его продажи воплощено в форму денег, приобретенных ценностей, недвижимого имущества и т.п. Преобразование же имущества можно трактовать как придание иной формы тому самому имуществу и ценностям, которыми завладело виновное лицо, например, путем переплавки ювелирных изделий в слитки. В связи со сказанным представляется целесообразным изменить формулировку п. 2 ч. 1 ст. 81 УПК, обозначив этот вид вещественного доказательства так: «деньги, ценности и другое имущество, полученные в результате совершения преступления или превращенные либо преобразованные в иную форму».

Следующий п. «в» ч. 1 ст. 104¹ УК предусматривает конфискацию денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма и организованной преступности. Можно ли считать это имущество вещественным доказательством? Ответить на этот вопрос ввиду непроступного происхождения имущества, о котором идет речь, нелегко. С некоторой натяжкой это имущество можно рассматривать как орудие совершения указанных преступлений, т.к. оно выступает неременным условием осуществления терроризма и организации преступных объединений. Но, с другой стороны, такая трактовка не соответствует традиционным представлениям об орудиях преступления как предметах, позволяющих непосредственно осуществить преступное воздействие на объект (огнестрельное, холодное оружие, орудия взлома и т.п.) или служащих средствами его совершения (оборудование для изготовления поддельных денег, подложные документы, используемые для противозаконного завладения имуществом и т.п.). В литературе высказано обоснованное мнение о том, что средство отличается от орудия преступления тем, что оно используется на стадии создания условий для совершения преступления для того, чтобы облегчить его реализацию¹⁶. Можно сказать, что с помощью орудия непосредственно достигается преступный результат, средство же способствует достижению его, причем непосредственно вреда не причиняет. Забегая вперед отметим, что новый п. 8 ст. 73 УПК РФ отделяет имущество,

предназначенное для финансирования преступной деятельности, от орудий преступления.

Несомненно о вещественных доказательствах говорит п. 2 ч. 1 ст. 104¹ УК РФ, предусматривая конфискацию орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Речь идет об объектах, упомянутых выше при анализе п. «в» этой статьи. Они обозначены в п. 1 ч. 1 ст. 81 УПК РФ термином «орудия преступления», хотя с учетом положений ст. 104¹ более точным было бы именовать этот вид вещественных доказательств как «орудия и средства совершения преступления». Оборудование может быть орудием либо средством совершения преступления.

Необходимость установления посредством доказывания всех перечисленных в ч. 1 ст. 104¹ УК РФ обстоятельств получила четкое закрепление в новом п. 8 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, определяющей круг обстоятельств, подлежащих доказыванию. Анализируя эту норму, зададимся вопросом: распространяется ли конфискация имущества только на вещественные доказательства?

Как верно отмечает Н.В. Висков, правильное определение предметов, подпадающих под конфискацию, и, соответственно, вещественных доказательств необходимо не только для верного понимания природы специальной конфискации (так ее именует автор), но и в целях защиты граждан от изъятия тех предметов, которые согласно действующему законодательству должны возвращаться законным владельцам¹⁷.

Вместе с тем автор обращает внимание на то, что согласно закону изъятие предметов, исключенных из оборота, может осуществляться не только в порядке решения вопроса о судьбе вещественных доказательств. Такие предметы, по мнению автора, могут и не находиться в связи с расследуемым компетентными органами преступлением. Запрет на их создание и обращение может вытекать из нормативных актов, не обладающих уголовно-правовой и уголовно-процессуальной природой. Полагаем, что специальная конфискация, о которой пишет автор, помимо вещественных доказательств и предметов, исключенных из оборота, охватывает также доходы от преступной деятельности, вещественными доказательствами не являющимися.

Подводя итог вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы:

- вещественные доказательства представляют собой предметы материального мира, прямо или косвенно связанные с исследуемым событием.
- содержанием вещественного доказательства является информация, которая содержится в признаках предмета или его месторасположении

и является непосредственным либо опосредованным отражением события преступления;

- формой вещественного доказательства являются сами признаки предмета, а также протокол его обнаружения и осмотра и постановление о приобщении к уголовному делу в качестве вещественного доказательства;

- в соответствии с закрепленным в УПК положением о необходимости нормативного определения каждого вида доказательства (ст. 78-80, 83, 84) следует включить ч. 1 ст. 81 УПК следующее определение: «Вещественные доказательства — предметы, прямо или косвенно связанные с исследуемым событием и содержащие сведения о нем»;

- научные представления о вещественных доказательствах подлежат существенной трансформации, расширению в связи с изменениями и дополнениями, внесенными в УК и УПК РФ Законом от 27 июля 2006 года. Они требуют также уточнения положений ст. 81 УПК, а именно

- п. 1 ч. 1 ст. 81 следует обозначить «Предметы, которые служили орудиями преступления или средствами его совершения»,

- предметы, сохранившие на себе следы преступления, как вид вещественных доказательств следует выделить в отдельный пункт ст. 81 УПК,

- п. 2 ч. 1 ст. 81 УПК следует изложить в редакции «Деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления или превращенные, либо преобразованные в иную форму».

Примечания

¹ См. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ.

² Фойницкий, И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. — СПб.: Альфа, 1996. — Т.2. — С.302.

³ Громов, Н.А. Доказательства, их виды и доказывание в уголовном процессе / Н.А. Громов, С.А. Зайцев, А.Н. Гушин. — М., 2005. — С. 53.

⁴ Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учеб. — 2-е изд., перераб. и доп. / Л.Н. Башкатов и др.; отв. ред. И.Л. Петрухин. — М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2006. — С.207.

⁵ В процессуальной литературе исследованы многочисленные по характеру связи доказательств между собой и с предметом доказывания. Таковы генетические, хронологические и пространственные (локальные) связи, связи соответствия (корреляционные) и иные связи. См.: Хмыров, А.А. Теория доказывания. Общая часть / А.А. Хмыров. — Краснодар, 2006. — С. 35-63.

- ⁶ Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве / В.Л. Будников. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С.22.
- ⁷ Там же. – С.23.
- ⁸ Там же. – С.82, 83.
- ⁹ Там же. – С.62, 63.
- ¹⁰ Шейфер, С.А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена / С.А. Шейфер // Право и государство. – 2005. – № 1. – С.123.
- ¹¹ Фойницкий, И.Я. Указ. соч. – Т.2. – С.305.
- ¹² Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве / В.Л. Будников // Российская юстиция. – 2005. – №7. – С.11.
- ¹³ Лопаткин, Д.А. Вещественные доказательства: процессуальные и криминалистические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук / Д.А. Лопаткин. – Краснодар, 2003. – С.29.
- ¹⁴ Будников, В.Л. Вещественные доказательства в уголовном судопроизводстве. – С.41.
- ¹⁵ Там же. – С.42.
- ¹⁶ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – 2-е изд., изм. и доп. / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М., 1997. – С. 51.
- ¹⁷ Висков, Н.В. Специальная конфискация: правовая природа, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения исполнения: монография / Н.В. Висков. – Волгоград, 2006. – С. 100.

Т.Ю. Цапаева, В.А. Яблоков*

ЗАРОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА (ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Судебный контроль за досудебным производством сложился и эволюционирует, испытывая вполне естественное влияние не только теории и практики, но и отечественного опыта прошлых лет. Обращение

---

* © Цапаева Т.Ю., Яблоков В.А., 2007

Цапаева Татьяна Юрьевна – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет

Яблоков Вячеслав Анатольевич – канд. юрид. наук, доцент, Самарский государственный университет